

СРЕДСТВА СНИЖЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АНГЛИЙСКИХ НАУЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

А. П. Миньяр-Белоручева
А. В. Вестфальская

*Московский
государственный
университет
им. М.В. Ломоносова*

*e-mail:
ostvera@mail.ru*

Некатегоричность высказывания является отличительной чертой языка историка. Историк не только регистрирует события, но творчески их переосмысливает и оценивает. К одному и тому же предмету исследования историк подходит с разных точек зрения, опираясь, прежде всего, на те представления и воззрения, которые характерны для среды, его окружающей. В распоряжении историка находятся разнообразные средства выражения некатегоричности высказывания и оценки.

Ключевые слова: некатегоричность высказывания, оценка, научные исторические тексты, средства выражения, модальные глаголы, модальные наречия, безличные глаголы, конструкция "rather than".

Настоящее исследование посвящено способам выражения некатегоричности высказывания в английских научных исторических текстах. Некатегоричность высказывания, свойственная национальному менталитету носителей английского языка и относящаяся к стилеобразующим категориям научной речи, особенно отчетливо проявляется в оценке исторических фактов, событий и явлений. Несмотря на то, что оценка, непременно сопутствует описанию и анализу всего, что произошло в исторической реальности, историк не может быть категоричен при установлении значимости исторических событий, поскольку у него всегда есть возможность по-новому взглянуть в глубь веков или в недавнее прошлое и пересмотреть данную им оценку произошедшего, которая может отличаться от его прежней или традиционно принятой в историографии. Существует несколько факторов, обуславливающих пересмотр оценки исторического прошлого. Это могут быть новые исторические источники, в которых историк различает сообщения разного уровня достоверности, или новый подход к исследованию прошлого, изменившийся под влиянием смены научных парадигм. Историк у себя свойственно не только регистрировать события, но и творчески их переосмысливать. Независимо от периода исторического развития человеческого общества изучаемого историком, ученые пришли к выводу, что «картина канувшей в Лету цивилизации исторически изменчива, и не одна из истин о ней высказываемых, не устанавливается на вечные времена» [3, с. 11]. Именно это не позволяет историку высказываться категорично. Более того, история, будучи идеологической наукой, всегда стремится дать объективное представление о прошлом, что также приводит историка к необходимости воздерживаться от вынесения суждений, не допускающих иного толкования и оценки. В то же время историк, не может абстрагироваться от среды его окружающей, он является выразителем мировоззрения своего класса, представителем своей эпохи, своей социальной среды, своего общества и всегда должен достаточно четко обозначить свою позицию и оценку историческому прошлому. Формы миропонимания историка, помимо лексики, могут отражаться в структуре и стиле его произведений, сообщать им индивидуальность. Это особенно отчетливо проявляется при анализе способов выражения оценки исторических событий, которая присутствует во всех научных исторических произведениях. Специфика истории как предмета предопределила выделение и оформление особой формы изложения научных исторических текстов, отличительной чертой которых является некатегоричность высказывания, проявляющаяся в выборе языковых средств.

Некатегоричность высказывания, как известно, предполагает наличие альтернативных мнений. Имея один и тот же предмет исследования, историк подходит к нему с разных точек зрения, опираясь на представления и воззрения, характерные для определенного этапа развития исторической мысли. Ученому-историку необходимо четко осознавать идеологическую установку общества для того, чтобы его работы смогли достигнуть желаемого результата. В научных исторических текстах оценка выражается не только эксплицитно благодаря использованию экспрессивно-эмоционально-оценочных единиц, но и имплицитно, в скрытом виде, вследствие использования разных средств выражения некатегоричности высказывания.

Особенно сложно оценить события новейшей истории, относящиеся к периоду «холодной войны». Термин «холодная война» был создан в 1947 г. Бернардом Барухом, советником президента США Гарри Трумена для обозначения политики США и СССР, направленной на обострение и сохранение состояния международной напряженности, на создание и поддержание опасности возникновения «горячей войны» («балансирование на грани войны»), цель которой заключается в оправдании безудержной гонки вооружений и увеличении военных расходов [2].

На протяжении холодной войны, длившейся со времени произнесения знаменитой «фултонской», программной, речи У. Черчилля 5 марта 1946 до 1991 г., историки по-разному оценивали эту необычную войну, основная цель которой заключалась в стремлении не развязать реальную войну, которая могла привести к уничтожению всего человечества. Этот сорокапятилетний период отношений между СССР и США подразделяется на три этапа, каждый из которых оценивается по-разному историками, представляющими разные школы исторического анализа.

Первый этап, длившийся шесть лет с 1946 по 1953 гг., относится к наиболее острому. Это было время завершения Потсдамской (Берлинской) конференции (Potsdam Conference), гражданской войны в Греции (1946 – 1949 гг.), образования НАТО в 1949 г. и Корейской войны (1950 – 1953 гг.), когда конфронтация между СССР и США достигла своей вершины.

Второй этап скрытой конфронтации, приходится на последующие двенадцать лет с 1953 по 1975 годы. Эта стадия характеризуется уменьшением напряженности между СССР и США в целом, несмотря на то, что в отдельные годы наблюдалось резкое обострение отношений. Так, в 1962 г. Карибский кризис (Cuban missile crisis) привел две супердержавы на грань ядерной войны и вызвал пересмотр отношений между ними, завершившийся намерением сократить ядерное оружие с обеих сторон. Однако, несмотря на то, что в середине 1960-х гг. вооруженные силы США проводили крупномасштабные наступательные операции в Южном Вьетнаме, напряженность между двумя супердержавами уменьшилась. Реальная разрядка напряженности в этот период началась с германского вопроса 1969 года, продолжилась конференциями в Хельсинки по ограничению стратегических вооружений (SALT), безопасности и сотрудничеству в Европе, 1973 – 1975 гг. и завершилась Хельсинкской декларацией (*Helsinki Declaration*), документом, подписанным главами тридцати пяти государств в столице Финляндии 30 июля – 1 августа 1975 года.

Третий этап «холодной войны» пришелся на 1975 – 1991 гг. и закончился ее окончанием. Разрядка напряженности (*détente*) предшествующего этапа, завершилась в 1979 г. после вторжения войск СССР в Афганистан, подавлением движения Сопротивления в Польше в 1980 году и размещением советских ядерных ракет в Восточной Европе в 1982 году. Напряженность между СССР и США продолжилась с приходом М. С. Горбачева к власти, который понял, что разрушающаяся Советская экономика была не в состоянии продолжить гонку вооружения, навязанную ей США. В 1988 г. было объявлено, что СССР более не намерен вмешиваться во внутренние дела других государств. В конце 1980-х гг. наблюдалось устойчивое улучшение отношений между СССР и США. В 1991 г. после распада Советского Союза президент США Дж. Буш официально провозгласил окончание «холодной войны».

На протяжении «холодной войны» две супердержавы асинхронно проводили политику то послабления, то ужесточения, синхронные действия двух государств привели к ее завершению, что привело к непредвиденным последствиям. Это не могло не найти своего отражения в научных произведениях историков в их интерпретации и оценке событий эпохи «холодной войны». Так, Э. Хобсбаум, крупнейший современный британский историк, рассматривает «холодную войну» как холодный мир, другие историки придерживаются иного мнения. Однако, несмотря на различные оценки, даваемые историками «холодной войне», многие из них стремятся соблюдать некатегоричность высказывания, не дают идеологической оценки, не проявляют явно выраженных симпатий к какой-либо из сторон и противостоят нагнетанию страха перед ядерным конфликтом и военными амбициями противоположного лагеря.

Как известно, оценка исторического факта предполагает вскрытие объективной связи между данным фактом и тенденцией развития исторической действительности. Несмотря на то, что оценка является универсальной категорией, способы ее выражения рассматриваются как индивидуальные особенности стиля автора. Это объясняют тем, что оценка относится к интенциональному аспекту языка, где преломление картины мира в сознании говорящего осложняется целым рядом факторов [5, с. 9]. Для историка это усугубляется зависимостью от его идеологизированного мировоззрения, что объясняет взаимосвязь и взаимообусловленность рационального и эмоционального в даваемой им оценке, требующей некатегоричности высказывания.

Следует подчеркнуть, что некатегоричность высказывания обусловлена спецификой исторического анализа, которая не позволяет историку быть безапелляционным в высказываниях, давать однозначную оценку событиям и фактам прошлого на основе имеющихся в его распоряжении источников и данных. Ученый всегда должен иметь возможность пересмотреть свои взгляды, изменить свои оценки по мере поступления и анализа новых источников, что и позволяет ему сохранять некатегоричность высказывания.

Являясь специфической чертой языка историка, некатегоричность высказывания предоставляет в его распоряжение разнообразные средства для выражения его собственного мнения относительно определенного исторического события и его оценки. При этом сохраняется традиционно установленная логика научного изложения. Таким образом, историк располагает разнообразными средствами выражения некатегоричности высказывания и оценки. В их число входят:

- аксиологические предикаты,
- модальные дескрипторы (модальные глаголы),
- аппроксиматоры,
- модальные наречия,
- безличные глаголы,
- конструкция “rather than”.

Необходимо отметить, что способы выражения оценки обусловлены их типом и подразделяются на объективные и субъективные, среди которых вычленяются аффективные и оценочные (эвалюативные) [10, с. 84]. Многие исследователи, отмечая взаимодействие субъективного и объективного факторов в оценке, подчеркивали, что объективность оценки соотносится с категоричностью высказывания и оценки, а субъективность – с некатегоричностью высказывания и оценки. Таким образом, некатегоричность высказывания и субъективность оценки находятся в прямой пропорциональной зависимости друг от друга. Субъективность высказывания усиливает некатегоричность. Некатегоричные высказывания отражают не результат познавательной деятельности, а субъективное мнение передающего информацию. Мнение по определению – это суждение выражающее оценку кого-либо или чего-либо. Оценка указывает на субъективность мнения, на то, что она относится к личному мнению говорящего, не претендуя на объективность, в которой заложена имплицитная категоричность. Для выражения некатегоричности высказывания вообще и оценки

в частности историки используют не только аксиологические предикаты [5, с. 9], в состав которых входит опорное слово “*assess*” или “*assessment*”, такие как: *scientific assessment of events, historical assessment of the world, correct assessment, history moves on and requires new assessment of new events, to use historical equipment to reach a correct assessment, the system of assessment*, но и другие, более широкие и разнообразные, лексические средства, которые наряду с оценкой могут отражать и «концептуальный мир» ученого, который скорее всего отличается от мира и оценок читателя.

Считается, что модальность является универсальным средством выражения оценки [5, с. 9]. Некатегоричность высказывания проявляется вследствие использования разных модальных дескрипторов, под которыми понимают слова и словосочетания, которые с достаточной степенью повторяемости употребляются в научном тексте для выражения имплицитной оценки и установления характера связи между сообщением и объективным миром [6, с. 164]. Было установлено, что модальные дескрипторы интердисциплинарны по своему характеру и могут быть использованы в равной степени в текстах различных областей науки [1].

Некатегоричности высказывания историк достигает, прежде всего, благодаря использованию модальных глаголов. Если расположить в линейной последовательности по мере нарастания в них категоричности модальные глаголы, то на шкале, варьирующейся от более слабых к более сильным, они будут расставлены следующим образом: *might have, might, may, could, can, would, must*. Некатегоричность высказывания не позволяет историку сохранять объективность при изложении исторических событий, поскольку некатегоричность относится к неподлежащему доказательству субъективному мнению историка. Мнение, по определению, является суждением, выражающим оценку кого-либо или чего-либо, причем оценочное высказывание всегда подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом [5, с. 22].

Модальный глагол *might* в сочетании с *Perfect Infinitive*, находясь на самом в начале шкалы, выражает наивысшую степень некатегоричности, что позволяет говорить скорее о толковательной функции данной конструкции, а не оценочной. В предложении: “*Theoretically, it might have been possible to consolidate a united front among the democracies while conducting negotiations with the Soviet Union about an overall settlement*” [11, с. 445], конструкция *might have* передает субъективное мнение историка о сложившейся ситуации, который, тем не менее, допускает и иной ход событий, и альтернативное толкование, так же как и альтернативную имплицитную оценку, которая непременно присутствует в любом некатегоричном высказывании. Однако имплицитно оценочную, выражающую некатегоричность конструкцию, следует отличать от омонимичной ей конструкции, передающей гипотетическое высказывание, которое обуславливает некатегоричность высказываний в научных текстах.

Неверифицируемые предположения историк может передавать также посредством конструкции *might have*, которая, оставаясь в рамках категории некатегоричности, изменяет свою функцию и вместо оценки, выражает виртуальные высказывания. В предложении: “*The consequences of the end of the Cold War would probably have been enormous in any case, even had it not coincided with a major crisis in the world economy of capitalism and with the final crisis of the Soviet Union and its system. Since the historian's world is what happened and not what might have happened if things had been different, we need not consider the possibility of other scenarios*” [11, с. 251], помимо конструкции *might have*, передающей гипотетическое высказывание, функционирует модальный глагол *would*, который повышает категоричность высказывания, усиливая имплицитную оценку передаваемого сообщения.

Сопоставляя модальные глаголы *may* и *can*, следует сказать, что первый выражает более слабую степень категоричности, то есть является более некатегоричным, чем второй, что повышает возможность высказывания иного мнения и вынесения имплицитной оценки, при этом следует помнить, что модальный глагол *may* соотносится с оценкой практических действий, а *can* – теоретических [12, с. 111].

Модальный глагол 'may', будучи третьим от нижней границы на шкале категоричности, позволяет историку более уверенно высказывать свое мнение и давать личную оценку описываемому, что он не допускает существования иного мнения и иной оценки. В предложении: "Even then, we may detect in the Gulf War of 1991 against Iraq a belated compensation for the awful moments in 1973 and 1979 when the greatest power on the earth could find no response to a consortium of feeble Third World states which threatened to strangle its oil supplies" [12, с. 244], модальный глагол 'may' указывает на то, что историк, оценивая практические действия в Персидском заливе 1991 года, не настаивает на принятии его мнения и оценки.

В предложении "The Second World War had barely ended when humanity plunged into what can reasonably be regarded as a Third World War, though a very peculiar one." [8, с. 226] модальный глагол 'can', у которого некатегоричность снижена, позволяет историку быть более безапелляционным в своем высказывании, при этом допустимость существования альтернативного мнения понижается и субъективность оценки повышается.

Модальный глагол *must* находится в высшей точке шкалы категоричности, поэтому историки предпочитают приводить его в цитатах: "Shultz began by lecturing Gorbachev, as early as 1985, on the impossibility of a closed society being a prosperous society: 'People must be free to express themselves, move around, emigrate and travel if they want to. ...'" [9, с. 213].

Стремясь смягчить категоричность высказывания, историк вместо не допускающего возражений и сомнений модального глагола "must" использует его в конструкции *must have*, что несколько снижает категоричность свойственную модальному глаголу *must*: "Stalin, a master practitioner of *Realpolitik*, must have expected America to resist the new geopolitical balance established by the Red Army's presence in the center of the European Continent" [11, с. 428].

В научных исторических текстах некатегоричность высказывания достигается также путем использования аппроксиматоров, т. е. лексических средств выражения приблизительности для снижения категоричности высказывания. Относительно приблизительных номинаций В. В. Виноградов писал следующее: «Говорящий как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и замечками. Сюда относятся такие модальные слова и словосочетания, как: буквально, так сказать, собственно говоря, коротко (откровенно) говоря, вообще говоря и т. п.» [4, с. 577]. Можно сказать, что это в полной мере относится и к английскому языку. О. Дюкро считает, что аппроксиматоры следует использовать прежде всего при аргументировании собственных доводов, поскольку вежливость, подчеркивающая некатегоричность высказывания или оценки, сильнее категоричности, так как ее сложнее опровергнуть: «легче настраивает противника в пользу собственного мнения, чтобы затем окончательно убедить его той же номинацией, но точной» [7]. По мнению Дж. Сейдока, использование аппроксиматоров делает высказывание более достоверным, исключая любую подтасовку фактов [13].

Аппроксимация достигается путем использования следующих лексических средств:

– модальных наречий *possibly*, *perhaps*, *probably*, которые выражают разную степень уверенности историков в своих предположениях, так, модальное наречие *hardly* выражает наибольшую степень сомнения: "Hardly any of them even tolerated the legal existence of local communist parties" [8, с. 249], *perhaps* – большую вероятность: "Perhaps with Reagan in mind, he promised that he would not "climb the Berlin Wall and make high-sounding pronouncements" [9, с. 248];

– безличных глаголов *seem*, *evident*, *suggest*, *hold*, которые позволяют подать случившееся менее резко: "Having exhausted their country by catching up in offensive mis-

siles, they suddenly faced a new round of competition demanding skills they had no hope of mastering. And the Americans seemed not even to have broken into a sweat.” [9, с. 227];

– конструкции ‘rather than’, которая смягчает категоричность утверждения, а, следовательно, и оценки: “Even the USSR and its allies, though denouncing the German danger, of which they had bitter experience, did so for propaganda rather than out of real fear” [8, с. 236].

Подводя итог, следует отметить, что оценка может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. Историки предпочитают давать оценки используя имплицитные средства выражения, одним из которых является некатегоричность высказывания. Читателю сложнее не согласиться с тем, что не имеет четкого вербального выражения, и, следовательно, может быть воспринято и интерпретировано по-разному. Эксплицитные лексические единицы, которые используются для выражения оценки, предоставляют читателю большую возможность не согласиться с мнением историка, опровергнуть его явно выраженную оценку.

Список литературы

1. Ахманова О. С., Никитина С. Е. О некоторых лингвистических вопросах составления дескрипторных языков // Вопросы языкознания. М., 1965, – № 5. – С. 111 – 115.
2. БСЭ/«Холодная война» – slovari.yandex.ru
3. Гуревич А. Я. Избранные труды. Том 2. Средневековый мир. М.-СПб., 1999.
4. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2006.
6. Лапшина В.П. Лингвистические особенности научного реферирования английского научного текста и проблема модальных дескрипторов. Дис. ...канд. филол. наук. - М., 1973.
7. Ducrot O. La prevue et le dire: Langage et logique. P. 1973.
8. Hobsbawm, E. The Age of Extremes. L. 2004.
9. Gaddis J.L. The Cold War. L. 2005.
10. Kerbrat-Orecchioni C. L’enanciation: de la subjectivite dans la langage. P., 1980.
11. Kissinger H. Diplomacy. N.Y. 1994.
12. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. Moscow: “Vyssja skola”, 1982.
13. Sadock J. Truthand approximation. – In: Proc.3d annu. meet. Berkeley linguist, soc., 1977.

NON-CATEGORICAL MEANS OF EXPRESSION IN ENGLISH ACADEMIC TEXTS ON HISTORY

A. P. Miniar-Beloroutcheva
A. V. Vestfalskaya

Lomonosov
Moscow
State
University

e-mail:
ostvera@mail.ru

The article deals with non-categorical linguistic means of expression in academic texts on history. A historian is not only a chronicler, he does not only analyze the existing historical sources and academic texts, but he is a rethinker and a reevaluator of the events of the past. One and the same historical fact he can assess from different points of view prompted by the values and ideology of his class and society. At his disposal a historian has different non-categorical linguistic means to express his attitude to the historical facts.

Key words: non-categorical, means of expression, academic texts on history, modal verbs, modal adjectives, ‘rather than’ construction.